

М. М. МАКОВСКИЙ

ПУТИ РЕКОНСТРУКЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ДИАЛЕКТОВ ДРЕВНОСТИ (Опыт лексико-семантического исследования)

1. Теоретическое исследование социальных диалектов наталкивается на весьма серьезные трудности, связанные главным образом с отсутствием вполне удовлетворительного определения этого понятия. Нередко единственным результатом работ, посвященных анализу разного рода слэнгов, жаргонов, арго и т. д., является лишь дальнейшее усложнение или, наоборот, излишнее упрощение возникающих здесь теоретических проблем, рассмотрение второстепенных вопросов при игнорировании основных, принципиальных особенностей социальных диалектов. Разговорная норма литературного языка нередко выдается за жаргон той или иной социальной среды; напротив, те или иные стороны жаргона рассматриваются как относящиеся к разговорной норме литературного языка; использование определенных стилистических приемов (часто носящих окказиональный характер) нередко произвольно объявляется присущим то одному, то другому социальному или профессиональному диалекту. Особенно неплодотворным оказывается «структурный» подход к социолингвистической проблематике, стремящийся подчинить живой узус языка априорным, заранее заданным схемам¹.

Проникновение в сущность и закономерности социальных диалектов требует, как нам представляется, решения, по крайней мере, следующих основных вопросов:

а) выяснение особенностей семантического развития в социальных диалектах по сравнению с аналогичными фактами развития общенационального стандарта; тщательное сопоставление семантического развития слов, выражающих одни и те же понятия, в социальных диалектах близкородственных и неблизкородственных языков;

б) исследование этимологии словарных единиц в социальных диалектах, которая нередко устанавливается весьма произвольно (ср. англ. слэнг *bit* «а girl», не имеющее отношения к англ. *bit* «кусочек» и восходящее к др.-англ. *buta* «mulier»; англ. слэнг *stir* «тюрьма», не имеющее отношения к цыган. *star*, а восходящее к др.-англ. *stēoran*) и выяснение возможностей и результатов заимствований в различные социальные диалекты и вопроса об омонимии;

в) исследование возможностей интерференции различных компонентов в социальных диалектах и литературном стандарте. Необходимо выяснить, какие слова литературного языка (resp. социальных диалектов) на данном этапе развития могут или не могут входить в социальные диалекты (resp. в литературный язык) и при каких условиях;

¹ Ср.: J. P. R o n a, A structural view of sociolinguistics, «Method and theory in linguistics», The Hague — Paris, 1970. Критику «структурного» подхода см.: Ф. П. Ф и л и н, К проблеме социальной обусловленности языка, ВЯ, 1966, 4, стр. 44; е г о ж е, Заметки о состоянии и перспективах советского языкознания, ВЯ, 1965, 2.

г) исследование типологических закономерностей лексики и семантики в социальных диалектах родственных и неблизкородственных языков;
 д) исследование особенностей социальных диалектов древности и вычленение древних лексических единиц, отражающих тот или иной социальный узус.

В настоящей работе мы подробно рассмотрим только последний из этих вопросов, а остальные будут привлекаться лишь постольку, поскольку они связаны с этим вопросом.

Решение всех указанных проблем возможно, естественно, только на основе выработки строгой и непротиворечивой методики анализа. Для исследования социальных диалектов древности специальной методики анализа пока еще нет вообще, а современные социальные диалекты исследуются, главным образом, интуитивно и эмпирически, в основном, путем выявления у информантов частотности тех или иных признаков (features) и различия в комбинировании этих признаков, каждый из которых присущ одновременно нескольким социальным диалектам². Не говоря уже о том, что сама по себе частотность далеко не всегда является надежной характеристикой лингвистических явлений (в частности — их жизнеспособности и исконности), необходимо отметить, что эта величина подвержена значительным (нередко случайным и преходящим) колебаниям в пределах отдельных (больших или меньших) языковых общин и далеко не всегда обусловлена именно социальными причинами.

Не менее случайным и произвольным часто оказывается и так называемое «комбинирование» признаков. Подобно тому, как это наблюдается при компонентном анализе семантической структуры слова, выбор таких признаков не основан на строгих критериях и может безгранично и произвольно увеличиваться или уменьшаться. В то же время анализ с помощью «комбинирования признаков» применим не ко всем уровням языка, в частности к лексике: например, на основе комбинирования произвольно избранных признаков или частотности вряд ли можно решить вопрос об исконной принадлежности данного слова тому или иному социальному диалекту и проследить семантические изменения при его движении из одного языкового слоя в другой. Отметим, что данные, полученные от информантов, нередко отличаются большой ненадежностью и колеблются от информанта к информанту³.

II. Всякий социальный диалект, с одной стороны, неизменно носит территориальный характер; с другой стороны, любой территориальный диалект по необходимости является одновременно и социальным, так как он присущ определенной более или менее однородной (или разнородной) в социальном отношении языковой общине, проживающей на данной территории. Каждый носитель языка, таким образом, владея территориальным говором, является носителем одного или нескольких социальных диалектов, распространенных на данной территории, а также знаком с профессиональным диалектом своей специальности и (в той или иной мере) с разго-

² См.: «Advances in the sociology of language», ed. by J. A. Fishman, The Hague—Paris, 1971; ср.: R. W. F a s o l d, Two models of socially significant linguistic variations, «Language», 46, 3, 1970, S. M. S a p o n, A methodology for the study of socio-economic differentials in linguistic phenomena, «Studies in linguistics», IX, 3—4, Oklahoma, 1963; O. C. A x m a n o v a, A. И. M a p ч e н к о, Основные направления в социолингвистике, «Ин. яз. в шк.», 1971, 4.

³ В этой связи можно указать на произвольность и ненаучность известной теории Н. Хомского, всецело построенной на опросе «компетентных» информантов (native speakers). Ср.: D. E. W a l k e r, The notion «idiolect»: contrasting conceptualizations in linguistics, «Proceedings of the IX International congress of linguists», The Hague, 1964; A. C r e s c i n i, Occasionalismo linguistico, сб. «Il problema filosofico», 96, Padova, 1965; H. Z i m m e r m a n n, Zu einer Typologie des spontanen Gesprächs, Bern, 1965.

ворной нормой литературного языка, используемой в ближайшем городе или на предприятии ⁴.

Ни один социальный диалект не является, как известно, изолированным образованием: он постоянно находится в соприкосновении с другими социальными, территориальными и профессиональными диалектами, а также с литературным стандартом ⁵. При этом возможны несколько случаев такой интерференции: а) один из участвующих в интерференции диалектов не только меняет сферу своего распространения, но и подвергается большим или меньшим структурным изменениям; б) тот или иной социальный диалект, участвующий в интерференции, не испытывает значительных изменений своей структуры, но меняет сферу своего распространения; в) тот или иной диалект, подвергаясь определенным структурным изменениям, не меняет сферы своего распространения (как территориально, так и по числу охватываемых общественных слоев). Это значит, в частности, что социальные факторы, присущие одному из взаимодействующих диалектов, могут ограничить сферу действия территориальных факторов в другом диалекте; вместе с тем территориальные факторы, присущие одному из этих диалектов, могут ограничить сферу действия социальных факторов в другом диалекте. Так, несмотря на глубокие изменения, произошедшие в социальном составе носителей американского слэнга XVII в., несмотря на то, что сфера его распространения значительно расширилась и он стал основой общеамериканского языкового стандарта, лексический состав его до сих пор остается неизменным, хотя многие слова этого слэнга давно исчезли на территории метрополии; в то же время при сохранении одной и той же социальной сферы употребления некоторых английских местных диалектов, их лексика и ареал распространения за последние столетия испытали значительные изменения, несмотря на присущую им консервативность.

Весьма распространены случаи не только влияния территориальных диалектов на социальные, но и социальных диалектов на территориальные говоры. Так, Ф. П. Филин показал, что русск. диалектн. *алынья* «корова» проникло в местные диалекты из воровского жаргона. Таковыми же являются и слова *жуль* «нож», *зеха* «рожь», *лох* «мужик», *рым* «дом», *севрить* «понимать», *ласый* «небольшой» и др. З. Вольф и Э. Нойберт отмечают многочисленные заимствования из немецких социальных диалектов в местных говорах Лейпцига, Халле, Магдебурга ⁶.

При расширении сферы распространения элементов, присущих социальным диалектам, те же элементы суживают сферу своего распространения на определенной территории; наоборот, при сужении сферы распространения какого-либо слова в социальном диалекте, сфера его ареального употребления расширяется. Многие слова вышли из употребления в древнеанглийских территориальных диалектах, однако те же слова представлены в социальных языковых пластах; вместе с тем многие английские слова, вышедшие из употребления в слэнге, продолжают жить в территориальных диалектах как в Англии, так и в США.

Если социальный и территориальный диалекты совпадают по ареалу, то они не совпадают по своему социальному статусу и распространению;

⁴ Ср.: C. h. A. F e r g u s o n, Diglossia, сб. «Language structure and language use», Stanford, 1971.

⁵ Ср.: M. G. C l y n e, Transference and triggering, New York, 1967; R. R e i c h s t e i n, Étude des variations sociales et géographiques des faits linguistiques, «Word», 1960; W. B r i g h t, A. K. R a m a n u j a n, Sociolinguistic variation and language change, «Proceedings of the IX International congress of linguists», The Hague, 1964.

⁶ См.: Ф. П. Ф и л и н, Словарь русских народных говоров, 1, М., 1967; S. W o l f, Über sogenannte Stadtmundarten, «Muttersprache», Jg. 1955; E. N e u b e r t, Spaziergang durch die Magdeburger Mundart, Magdeburg, 1937.

наоборот, если те же диалекты совпадают по своему социальному статусу и распространению, то они не совпадают по территории.

Социальные диалекты по традиции обычно рассматриваются как бытующие в разговорной сфере весьма непрочные, неустойчивые, никак не нормализованные, а часто и вовсе беспорядочные и случайные нагромождения лексем, служащие отражением общественного сознания людей, принадлежащих к определенной социальной среде. В настоящей работе мы будем исходить из следующего определения социального диалекта. **С о ц и а л ь н ы й д и а л е к т** — это исторически сложившаяся на определенной территории языковая норма⁷ одного или нескольких социальных слоев классового общества, колеблющаяся (по количеству и социальному составу говорящих, а также по территории распространения) в зависимости от последовательного взаимодействия с сосуществующими социальными, профессиональными, территориальными диалектами и литературным языком.

В период норманского завоевания, например, социальный диалект английской аристократии строился, в основном, на использовании романской лексики с теми или иными семантическими изменениями соответствующих слов, тогда как «социальные низы» являлись единственными носителями собственно среднеанглийской лексико-семантической системы. При этом семантическое развитие слов с одним и тем же значением в этих двух диалектах не совпадало. Впоследствии, как известно, наблюдалось широкое взаимопроникновение лексики обоих указанных диалектов, хотя их обогащение словами территориальных диалектов и иноязычными элементами в качественном и количественном отношении было неодинаковым.

Современный социальный диалект английской аристократии по своему составу и семантике отличается от многочисленных социальных диалектов «средних» и «низших» сословий: в первом преобладают «колониализмы» и американизмы, в то время как основой последних остается лексика древних эпох существования английского языка, давно вышедшая из употребления в других сферах языка (но частично сохраняемая в территориальных диалектах). В диалекте аристократии преобладает использование стандартной английской грамматики, а в диалектах «низших» сословий — конгломерат грамматических норм, аналогичных тем, которые существуют в различных территориальных диалектах. Совершенно различны и словообразовательные возможности социальных диалектов английской аристократии и «низших» слоев общества (в этой связи интересно типичное для последних явление разрыва слова типа *abso-bloody-lutely*, напоминающее соответствующее явление в готском⁸).

Приведем примеры различного материального состава синонимических рядов в социальных диалектах «средних» и «низших» слоев общества: в первых понятие «человек» выражается словами *lug, mark*, во вторых — *bean, beeger, bim, berry, cluck, cog, guu, egg, pimple, wight*; в первых понятие «здоровье» выражается словами *dummy, flicker*, во вторых — *feather, fig, fix, kilter, shape, whack*.

III. Исследование социальных диалектов древности обычно наталкивается на почти непреодолимые трудности. По крайней мере, специальные

⁷ Вряд ли можно допустить, что «ненормативность» в языке носит стихийный и случайный характер и не поддается научному описанию и сопоставлению в различных языках: на разных этапах развития одного языка случайность не может возникнуть без действия закономерности, а закономерность нередко проявляется в силу действия случайности. См.: В. М. Ж и р м у н с к и й, Проблемы социальной диалектологии, ИАН ОЛЯ, 1964, 2, стр. 112; е г о ж е, Национальный язык и социальные диалекты, М. — Л., 1936; Ю. Д. Д е ш е р и е в, Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе, М., 1966, стр. 24—36, 41—45.

⁸ Ср.: L. S o u d e k, Structure of substandard words in British and American English, Bratislava, 1967.

работы в этой области не идут дальше субъективных догадок, не опирающихся на строгую лингвистическую методiku. В этой связи весьма показательно пессимистическое заявление Ф. Клебера о том, что отсутствие достаточного количества фактов вряд ли позволит когда-либо пойти дальше чистых предположений в этой области⁹. Вместе с тем важность изучения социальных диалектов древности вряд ли можно переоценить.

Наиболее полно вопрос об определении «социального» характера древней лексики поставлен в работе Б. Линдхайма. Он указывает на сохранение более или менее «грубых», «простонародных» значений некоторых древнеанглийских слов в среднеанглийском и на утрату более «возвышенных», поэтических значений, типичных для этих слов в древнеанглийском. В частности, Б. Линдхайм выделяет ситуации: а) когда разговорный характер носит то или иное слово во всей полноте его семантики (др.-англ. *wamb*); б) некодифицированным является только определенное (явно выделяемое) значение слова (др.-англ. *hricg*); в) «разговорным» является лишь определенный участок семантической сетки слова (др.-англ. *wlonc*). Такое разделение, однако, представляется произвольным и субъективным, ибо, во-первых, семантическое развитие слов в древних языках никак нельзя оценивать с точки зрения закономерностей современных языков¹⁰; кроме того, даже в современных языках развитие более «грубых» семантических оттенков у многих слов вовсе не всегда является доказательством их «социальной» обусловленности. Вряд ли правы и те авторы, которые объясняют «социальными» факторами любые отклонения в фонологической или морфологической структуре древнего языка (здесь немалую роль могли играть разного рода текстологические причины, например, ошибки переписчика, более поздние эмендации писцов и т. д.).

В настоящей работе при исследовании социальных факторов, действовавших в древних языках, мы будем исходить из некоторых объективных внутренних закономерностей языковой системы, отклонения от которых вряд ли можно истолковать иначе, как проявление определенных социальных (или, по крайней мере, разговорных) норм в древнем языке. Речь идет, в частности, о некоторых особенностях лексической синонимии, не получивших до сих пор достаточного освещения в специальных исследованиях.

1. Отметим прежде всего, что члены синонимического ряда отличаются друг от друга не только и не столько стилистически, по своему значению, происхождению и по времени вхождения в язык, но обычно и функционально, по своему «весу» в синонимическом ряду, и неравносильны между собой. В зависимости от той социальной сферы, которой присущ данный ряд синонимов¹¹, выход одних или вхождение других элементов такого

⁹ См.: F. Klaeber, Notes on Old English prose texts, «Modern language notes», 18, 1903, стр. 243—245; ср. также: H. Benge, Beiträge zur vergleichenden Betrachtung antiker und moderner Umgangssprachen, «Bayrische Blätter für Gymnasialwesen», 66, 1930; В. von Lindheim, Traces of colloquial speech in Old English, «Anglia», 70, 1951. О «разговорной форме» древнеанглийского языка, устанавливаемой на чисто фонологических основаниях, см.: F. P. Magoun, Jr., Colloquial Old and Middle English, «Harvard studies in philology and literature», 19, 1937, стр. 167 и сл. Ср. также: W. P. Lehmann, Proto-Germanic words inherited from Proto-Indo-European which reflect the social and economic status of speakers, «Zeitschrift für Mundartforschung», 35, 1, 1968; K. R. Schmidt, Zur Erforschung der sozialen Terminologie in Texten des russischen Mittelalters, «Scando-Slavica», IV, 1958.

¹⁰ Ср.: M. Daut, Some modes of Anglo-Saxon meaning, «In memory of John Rupert Firth», ed. by Ch. Bazell, London, 1966.

¹¹ Количество синонимов, характер оттенков значений синонимов, представленных в синонимическом ряду, вхождение в синонимический ряд именно данных, а не других слов, возможности синонимического развертывания, связь различных синонимов между собой — все эти факторы носят сугубо социолингвистический характер и объяснимы

ряда может никак не отражаться на значении и количестве остальных членов, тогда как вхождение или выход других синонимов может вносить глубокие изменения в структуру ряда и значения входящих в него слов, вплоть до частичного или даже полного разрушения самого ряда или превращения его в другой ряд или ряд, антонимичный первоначальному (энантиосемия). В то время как при наличии одних компонентов синонимического ряда вхождение заимствованных или производных синонимов или выход исконных невозможны, при наличии других компонентов наблюдается массовый наплыв иноязычных и производных синонимов при одновременном выходе из синонимического ряда исконных слов. В то время как при наличии одних компонентов синонимические ряды остаются неизменными в течение длительного времени, при наличии других элементов синонимический ряд претерпевает постоянные изменения. Один и тот же синоним, являющийся компонентом данного синонимического ряда, при любых изменениях ряда может получать неодинаковый «вес» в этом ряду, т. е. не всегда равнозначен самому себе.

Для исследования древнего «разговорного» языка и воздействия социальных факторов на язык здесь важно учитывать следующее.

а) Значение каждого члена синонимического ряда представляет собой обычно один из сходных между собой результатов в остальном несходного семантического развития различных слов¹². Количество элементов ряда, таким образом, должно соответствовать количеству *различных* представленных в нем семантических «циклов»¹³. Если же хотя бы два элемента синонимического ряда обнаруживают *одинаковые* циклы семантического развития, то такой синонимический ряд следует, видимо, признать обусловленным не внутриязыковыми закономерностями, а разного рода экстралингвистическими, в частности, социальными причинами¹⁴. Так, многие синонимы, обозначающие ребенка и мальчика в древнеанглийском, можно признать социально окрашенными в связи с тем, что они обнаруживают одни и те же циклы семантического развития: ср. 1) исходное понятие «рожать, производить»: *bearn* (<*bæran*), *cnosl* (ср. гот. *knofjs* «Geschlecht», др.-в.-нем. *chnot*, и.-е. **g(e)no-*, *ġen* «to produce, to engender»); 2) исходное понятие «раздуваться, *schwellen*»: *hyse* (WP, 1, 356 < *keu «schwellen; Schwellung»); *cild* (ср. гот. *kilþei* «womb», *inkilþo* «pregnant»; Вальде — Покорный относят это слово к и.-е. корню **gel, gel-t* «ballen; Anschwellung; Mutterleib; fetus», ср. нем. *Kalb*); 3) исходное понятие «палка, брус»: *scielcen* (*scylcen*), ср. ср.-в.-нем. *schalk* «die kleine Stütze, worauf ein Sparren oder Balken ruht», дат. *skalk* «Stück Bauholz oder kurzer Sparren»; *cniht*; *cnapa* (ср. исл. *dräng* «unmarried man» — др.-исл. *drengr* «thick stick»); *stofn* (Вальде-Покорный относят это слово к и.-е. корню **(s)teup*, включающему многочисленные слова со значением «Stock, Stumpf»).

Одним из частных и весьма важных случаев такого «отклонения», типичного для социальных диалектов, является следующий: данное слово

только при рассмотрении тех социальных условий и потребностей, которые породили или вызвали их к жизни. См.: О. С. А х м а н о в а, А. Н. М а р ч е н к о, указ. соч., стр. 9—11; J. J. G u m p e r z, *Linguistic and social interaction in two communities*, «The ethnography of communication», Washington, 1964.

¹² Одним из важных условий синонимичности является *одновременность* сходного развития разных семантических циклов. Вполне понятно, что при семантическом движении хотя бы одного члена синонимического ряда он выключается из этого ряда, а целостность этого ряда нарушается или полностью разрушается; ср.: W. E. S o l l i n s o n, *Comparative synonymy. Some principles and illustrations*, «Transactions of the Philological Society», Oxford, 1939.

¹³ Наше определение семантических циклов см. в кн.: М. М. М а к о в с к и й, *Теория лексической аттракции*, М., 1971, стр. 46 и сл.

¹⁴ Ср.: О. С. А х м а н о в а, В. З. П а н ф и л о в, *Экстралингвистические и внутриязыковые факторы в функционировании и развитии языка*, ВЯ, 1963, 4.

оказывается втянутым в несвойственный ему цикл семантического развития одного или нескольких из своих синонимов, которые в данный период могут быть и не представлены в языке (хотя в ряде случаев такие синонимы могут и сосуществовать в пределах синонимического ряда)¹⁵. Это в свою очередь ведет либо к массовому наплыву синонимов в языке, либо к многозначности словарных единиц. Необходимо учитывать, что в ходе своего развертывания два любых семантических цикла только один раз могут дать синонимичные элементы; следовательно, два любых семантических цикла или элемента цикла лишь один раз могут встречаться вместе в пределах единого синонимического ряда.

Так называемый закон Шпербера, согласно которому семантическое изменение хотя бы одного члена синонимического ряда влечет за собой аналогичное изменение всех остальных, вовсе не является доказательством внутрисистемной аналогии синонимов (как это обычно считается), а простым отражением того факта, что аналогичные по своему значению элементы семантических циклов, как правило, развертываются сходным образом независимо от того, входят эти элементы в синонимический ряд или нет¹⁶.

б) Чем больше членов в синонимическом ряду, тем «слабее» (лабильнее) связи между членами этого ряда, так как количество представленных в таком ряду лексем не соответствует количеству имеющихся в нем семантем, т. е. членов отдельных семантических циклов, а количество семантем не соответствует количеству представленных лексем. Всякое отклонение от этой внутриязыковой закономерности (т. е. если вхождение слов в синонимический ряд ведет к большей стабильности ряда, а выход из него слов — к его лабильности) неизменно говорит о том, что перед нами результат социального воздействия на языковую структуру. Весьма показательно, что многие слова, вышедшие из древнеанглийского языка, но вошедшие в систему социальных и территориальных диалектов, до сих пор продолжают существовать в слэнге и составляют костяк его словаря¹⁷. В этой связи весьма интересно явление регенерации лексики. Речь идет о следующем. Во многих исследованиях по традиции обычно выясняется, какие слова с большей или меньшей степенью достоверности можно отнести к области «периферийной» лексики. Составлено множество словарей аргос, слэнгов и т. д., где такие слова должным образом систематизируются и классифицируются. Хорошо известно, что все социальные диалекты, наряду со специальными для них лексемами, широко используют лексику других социальных диалектов и литературного стандарта. До сих пор, однако, не было обращено внимания на следующую интересную закономерность: не всякое (даже самое обычное общелитературное) слово может использоваться в том или ином социальном диалекте в данный период существования языка. Так, английское литературное слово *understand* полностью отсутствует в современных английском и американском слэнге [ср. соответствующий синонимический ряд в слэнге: *boot, catch on (to), colly, cop, dig, get jerry, get next to, glow, latch (on), make, sabby, spot, twig, wool*]. Не используются в английском и американском слэнге и такие распространенные литературные слова, как *courage* (ср. соответствующий синонимический ряд: *belly, face, ginger, gizzard, gravel, grit, guts, moxie, spunk*); *help, aid; steal; shy, timid* и др. Во французском аргосе отсутствует слово *parler*.

¹⁵ Ср.: E. Mayer, *Sekundäre Motivation*, Köln, 1962.

¹⁶ Ср.: P. A. Будагов, Сравнительно-семасиологические исследования, М., 1963; H. G e s k e l e r, *Strukturelle Semantik und Wortforschung*, München, 1971.

¹⁷ Ср.: М. М. Маковский, Языковая сущность современного английского «слэнга», «Ин. яз. в шк.», 1962, 4; J. O f f e, *Das Aussterben alter Verba und ihr Ersatz im Verlaufe der englischen Sprachgeschichte*, Kiel, 1908.

Те слова, которые периодически выходят из социальных диалектов и периодически регенерируются в них без изменения своего значения, представляют собой своего рода лексико-семантические константы¹⁸ социальных диалектов, наличие или отсутствие которых является значимым для системы социальных диалектов. Именно такими константами являются нередко наблюдаемые совпадения части словаря социальных и территориальных диалектов, с одной стороны, и социальных диалектов и литературного стандарта — с другой, хотя наличие таких совпадений, естественно, еще не означает ни общего происхождения того или иного социального диалекта с территориальным диалектом или с литературным стандартом, ни заимствованного характера соответствующих слов. Вхождение или выход регенерируемых констант из лексико-семантической системы вовсе не означает пересечения социальных диалектов с другими языковыми пластами и вообще какого-либо языкового движения, а наоборот, неизменно говорит о сохранении ими своей структурной целостности. Вполне естественно, что регенерируемые лексемы в тот или иной период существования языка могут в свою очередь вообще выйти из литературного языка или из другого социального или территориального диалекта, неотъемлемой частью которого они являются. Однако это обычно никак не отражается на возможностях регенерации, на составе регенерируемых лексем и на порядке их регенерации в социальном диалекте или выходе из него¹⁹. Так, англ. *graft*, *birl*, *glom*, давно вышедшие из английского слэнга, продолжают периодически появляться в американском слэнге. Вместе с тем, многие некогда литературные слова, давно вышедшие из употребления, периодически встречаются в английских социальных диалектах.

Возможности и диапазон регенерации всецело определяются социальными факторами, действующими в данный период в том или ином социальном диалекте. В период глубоких социальных перемен, обуславливающих изменение строя того или иного социального диалекта, состава и количества его носителей, прежние регенерируемые лексемы могут быть заменены новыми. Систематическая же регенерация одних и тех же элементов словаря неизменно говорит о том, что данный диалект продолжает обслуживать одну и ту же социальную среду. Если в результате действия этих же факторов нарушается порядок следования регенерируемых элементов²⁰, если вместо их обычного отсутствия они продолжают оставаться в пределах социального диалекта, если, наконец, в социальном диалекте одновременно представлены несколько регенерируемых элементов, которые обычно в языке последовательно сменяют друг друга, то мы имеем дело с избыточностью. Если же, наоборот, регенерируемые элементы не представлены в языке, когда их наличие необходимо, или, появляются в то время, когда они должны отсутствовать, то перед нами языковая недостаточность. Вполне понятно, что большая протяженность синонимического ряда еще не означает его избыточности, а его меньшая протяженность ничего не говорит о его недостаточности. Одна из особенностей социальных диалектов состоит в том, что в своей эволюции они никогда не повторяют прежних состояний своего собственного развития, но обязательно повторяют состояния, возникшие в результате контактов с другими языковыми сферами. В литературном же языке, наоборот, регенерируются не элементы, общие с каким-либо другим

¹⁸ О константах в лексике и семантике см.: М. М. Маковск и й, Теория лексической аттракции, стр. 30.

¹⁹ Ср.: М. М. Маковск и й, Взаимодействие ареальных вариантов «слэнга» и их соотношение с языковым «стандартом» ВЯ, 1963, 5.

²⁰ Ср. сб. «The concept of order», Seattle — London, 1971.

языковым слоем, а словарные единицы с а м о г о литературного языка (типа совр. нем. *beginnen, Brosam, Gau, Recke, Sippe, Wonne* и др.)²¹.

в) Чем больше членов входит в синонимический ряд, тем меньше изменяется семантика его отдельных компонентов. Следовательно, выход членов синонимического ряда должен повлечь за собой дальнейшее семантическое развертывание оставшихся элементов. Если же наблюдается обратное, т. е. если увеличение количества элементов в синонимическом ряду сопровождается семантическим развертыванием его членов или выход членов ряда не сопровождается семантическими изменениями, то это вряд ли можно истолковать иначе, как в смысле действия определенных экстралингвистических факторов. Так, пополнение древнеанглийского синонимического ряда со значением «радость»: *gefeā, bliþs, glædnes, wynn* (<*wennan*), *drēam* (ср. совр. литер. англ. *joy, mirth, delight*; слэнг *bang, belt, biff, boat, buzz, charge, drive, jolt, kick, pack, punch, sock, swack* и др.) сопровождалось семантическим развитием *drēam* «joy, music» > *dream* «sleep» и поляризацией значения др.-англ. *wennan* > совр. англ. *wean* «отнимать от груди, отучать».

В то же время, выход большинства членов древнеанглийского синонимического ряда со значением «ребенок» (*bearn, umbor, byre, cnosl*) никак не отразился на значении слова *child*, существующего и поныне.

г) Лексическая синонимия является именно той областью, где наиболее наглядно проявляется воздействие на язык социальных факторов²². Возникшее в результате социальных сдвигов взаимодействие социальных диалектов с территориальными или с национальным стандартом приводит к нарушению семантического развития слов. В результате не только нарушается обычная последовательность смены семантем в пределах слова, но, кроме того, отдельные семантемы, обычно выступающие в рамках одного слова, выражаются разными словами. Не все эти слова, однако, оказываются одинаково совместимыми в синонимических рядах различных социальных диалектов. В одних случаях эти слова вовсе не могут войти в синонимические ряды, что в свою очередь нередко ведет к мощному наплыву синонимов в социальные диалекты (например, в американском слэнге имеется более 100 слов, обозначающих «пьяный»). В других случаях вхождение тех или иных слов в синонимические ряды исключает (полностью или частично) дальнейшее пополнение этих рядов синонимами. В третьих случаях вхождение слов в синонимические ряды сопровождается семантической диссимилиацией (энантисемией) или одновременным выражением в пределах одного слова нескольких компонентов семантического цикла [это является специфической особенностью социальных диалектов, например, англ. слэнг *fib* 1) «tell a lie»; 2) «to beat»; *filch* 1) «to steal»; 2) «to beat»]. Ср. поляризацию значений в английском слэнге: *brick* 1) «good»; 2) «bad»; *cheesy* 1) «showy»; 2) «shabby»; *dub* 1) «to open»; 2) «to close»; *floor* 1) «провалиться (на экзамене)»; 2) «хорошо сдать экзамен»; *fresh* 1) «drunk»; 2) «sober»; *fence* 1) «to purchase»; 2) «to sell, to spend»; *game* 1) «a simpleton, a dupe»; 2) «knowing, wide-awake»; *jerry* 1) «fog, mist»; 2) «discovery, detection»; *gut* 1) «cram», 2) «empty»; *hank*

²¹ Ср.: W. Kuhberg, *Verschollenes Sprachgut und seine Wiederbelebung in neuhochdeutscher Zeit*, Frankfurt-am-Main, 1933; K. Müller, *Die Wiederbelebung alter Wörter*, «Wissenschaftliche Beihefte zur Zeitschrift des allgemeinen Sprachvereins», 2, 1923.

²² Ср.: В. Бернштейн, *Language and social class*, «British journal of sociology», II, 1960; P. H. K. Bock, *Social structure and language structure*, в кн.: «Reading in the sociology of language», ed. by J. Fishman, New York, 1968; J. L. Fischer, *Social influences in the choice of a linguistic variant*, «Word», XIV, 1958; D. Hymes, *Models of interaction of language and social setting*, «Problems of bilingualism. The journal of social issues», ed. by J. McNamara, 23, 2, 1967.

1) «rest»; 2) «tease, worry». Ср. франц. арг.: *bloqu岸* «продавать; покупать», *chic* «плохой; хороший».

Таким образом, определенное количество синонимов должно быть совместимо с определенным значением каждого из них, а то или иное значение синонимов должно сочетаться с определенным их количеством в синонимическом ряду. Всякое отклонение от этой закономерности означает, очевидно, проявление экстралингвистических факторов в языке. Отметим, что одновременно входящие в язык или выходящие из него синонимы относятся к одной и той же социальной сфере. В этой связи следует указать, что слова, остающиеся в языке после выхода синонимов, в меньшей мере отражают социальный статус говорящих, чем синонимы, выходящие из языка.

2. Как уже говорилось, многие исследователи считают, что в социальных диалектах преобладает так называемое «стилистическое» использование слов литературного языка (метафора, метонимия, синекдоха и др.). Нам представляется, что верно обратное. Из семасиологии известно, что в различных индоевропейских языках в основу значения многих слов легли «более простые» понятия: так, в основе значения слов русск. *понять*, франц. *comprendre* лежит понятие «брать», а англ. *understand*, нем. *verstehen* — понятие «стоять»; понятие «тянуть» легло в основу значения многих слов, обозначающих время²³. Однако вряд ли можно утверждать, что указанные индоевропейские слова являются «стилистическими вариантами» от «более простых» понятий, которые легли в основу их значения, или тем более считать эти «простые понятия» «стилистически зависимыми» от «более сложных»²⁴. Следовательно, можно полагать, что так называемые «метафорические» или «стилистические» сдвиги и «переосмысления» слов в социальных диалектах надо рассматривать как первичные, исконные, а их «литературное» употребление — как вторичное, возникшее после проникновения соответствующих слов из социальных диалектов в литературные языки. Сказанное имеет большое значение для методики исследования древних социальных диалектов, так как дает возможность довольно точно наметить круг тех слов, которые в наиболее ранние периоды развития языка бесспорно были уделом тех или иных социальных классов и лишь много позднее проникли в литературный язык, а также омонимы.

3. Как мы пытались показать в своей книге «Теория лексической аттракции», в пределах близкородственных языков нередко можно наблюдать наличие сходных по составу и значению компонентов лексико-семантических наборов, манифестируемых в несмежных ареалах и весьма различных по своей временной соотнесенности (например, лексико-семантические наборы древнеанглийского языка и современного швейцарского диалекта немецкого языка, который отличается большой консервативностью). Вполне понятно, что совпадение лексической системы некоторых современных социальных диалектов английского языка с аналогичной системой швейцарского, все элементы которого в свою очередь, как правило, соотносятся с древнеанглийским, в большой мере может отражать древнеанглийское состояние. Вместе с тем наличие в швейцарско-немецком лексико-семантическом наборе (соотносимом с современным английским слэнгом) слов, отсутствующих в этом последнем, безусловно дает возможность реконструировать многие элементы древнеанглийских социальных диалектов и восстановить некоторые особенности их семантического развития по принципу «от нового состояния к древнему». Ср. англ. слэнг *bully* «велико-

²³ Ср.: C. D. B u c k, A dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages, Chicago, 1949; J. P o k o r n y, Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, Bern, 1949.

²⁴ Ср.: B. G r a y, Style. The problem and its solution, The Hague — Paris, 1969.

лепный», швейц. *bullig* то же; англ. слэнг *nag* «кляча» — швейц. *Nägg* «lag-sames altertümliches Pferd»; англ. слэнг *to mitch* «to slink, to prowl about» — швейц. *muchen* «verstohlen unhergehen»; англ. слэнг *rug* «рожа», швейц. *Müggeren* «saures, finsteres Gesicht»; совр. англ. слэнг *booze* «пьянствовать» — швейц. *busen* «saufen»; *Busel* «ein Gewohnheitstrinker», *buslig* «angetrunkен», ср. совр. англ. литер. *look* «смотреть» — швейц. *luegen* «anschauen».

Соотносимые лексико-семантические наборы, обнаруживаемые в различных ареалах распространения близкородственных языков, обычно манифестируются в н е о д и н а к о в ы х языковых слоях. Так, если в одном из таких языков становится возможным выявить лексико-семантический набор в социальном слое, то этот набор можно признать равносильным аналогичному набору в другом ареале и в другом близкородственном языке только в том случае, если в этом последнем он манифестируется в территориальном, но не социальном слое. Если лексико-семантический набор в территориальном диалекте одного языка коррелирует с аналогичным набором в социальном слое другого близкородственного языка, то можно признать, что в первом из этих языков этот набор также манифестировался в социальном слое в более ранние периоды развития языка. Вот почему ареальные варианты социальных диалектов (например, варианты английского слэнга в Англии, Америке и Австралии) никогда не обнаруживают соотносимых лексико-семантических наборов²⁵.

*

Мы рассмотрели некоторые аспекты одного из наиболее важных вопросов современного языкознания — проблемы восстановления социальных диалектов древности, не зафиксированных в письменных памятниках языка. Решение этой проблемы не только открыло бы новые широкие возможности и перспективы в области собственно социолингвистики, но и в значительной мере способствовало бы пересмотру многих устаревших догм истории языка, а также уяснению ряда спорных вопросов типологии, этимологии и общего языкознания.

В настоящей статье предложен метод в н у т р е н н е й реконструкции и социальных диалектов древности, при котором элементы более ранних периодов развития языка восстанавливаются на основе более поздних свидетельств функционирования того же языка. Восстановленные на основе этого метода социальные диалекты древности, которые, казалось бы, бесследно и навсегда утрачены для науки, смогут внести существенные коррективы в понимание таких кардинальных проблем языкознания, как диалектная основа общелитературных стандартов, история формирования и развития литературных языков, проблема архаизмов и инноваций, особенности возникновения и взаимодействия различных социальных диалектов и идиолектов и их соотношение с территориальными и профессиональными диалектами, механизм заимствования, интерференция различных языков, с одной стороны, и отдельных социальных и территориальных диалектов внутри этих языков, с другой стороны, и т. д. Лексика социальных диалектов древности, вновь ожившая таким образом из мглы веков, может безусловно явиться надежным фундаментом исследования социологии языка, основные понятия и методы анализа которой до сих пор остаются весьма неопределенными и шаткими именно в связи с недостаточным учетом принципа историзма.

²⁵ См.: М. М. М а к о в с к и й, Взаимодействие ареальных вариантов «слэнга» и их соотношение с языковым «стандартом»; е г о ж е, Языковая сущность современного английского «слэнга».